

КРАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АВАНТЮРЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛЕТОМ 1917 г.

В. С. ВАСЮКОВ

Стремясь упрочить свое внутреннее и внешнее положение, Временное правительство в июне 1917 г. предприняло крупную авантюру, бросив в наступление на фронте русскую армию. Наступление относится к числу важнейших событий между февралем и октябрём 1917 г. Это было не столько военное, сколько политическое предприятие. Оно наложило заметный отпечаток на борьбу партий и классов, приведя к существенному изменению в расстановке и соотношении политических сил в стране.

В нашей исторической литературе это событие еще не получило должного освещения. В работах А. М. Зайончковского рассматривается лишь стратегическая сторона операций кампании 1917 г., а статья Г. И. Журавлева ограничивается в основном показом антивоенных выступлений в тылу и на фронте¹. Летнее наступление русской армии затрагивается почти во всех общих работах, посвященных подготовке и проведению Октября, борьбе большевистской партии за революционный выход из войны и т. д., но освещается в них недостаточно полно, а подчас и несколько упрощенно. Прежде всего это относится к анализу причин и целей наступления. Нередко оно изображается главным образом как результат давления союзников, недостаточно подчеркивается его связь с внешнеполитическими расчетами Временного правительства, односторонне трактуются причины его провала. Причем в некоторых публикациях можно встретить и утверждение, будто наступление было предпринято с явным расчетом на провал. Не совсем правильно датируется начало наступления². В настоящей статье на основе некоторых новых материалов делается попытка осветить основные аспекты указанной проблемы.

* * *

Как известно, широкое наступление русской армии было запланировано еще до Февральской революции. Решение о нем было принято совместно с союзниками на совещании в Шантильи в ноябре 1916 г. и

¹ А. М. Зайончковский. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. VII, М., 1923; его же. Мировая война 1914—1918 гг., изд. 3, т. II, М., 1938; Г. И. Журавлев. Борьба солдатских масс против летнего наступления на фронте. «Исторические записки», 1957, т. 61.

² См., напр., «Разложение русской армии в 1917 г.», М.—Л., 1925, стр. IV; «История гражданской войны в СССР», т. I, изд. 2, М., 1938, стр. 125—128; Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир в 1914—1918 гг., М., 1957, стр. 270; С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны, М., 1959, стр. 50; Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1959, стр. 165—168; «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962, стр. 74; В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения. 1900—1917 гг., М., 1964, стр. 347; Г. И. Журавлев. Указ соч.; Д. В. Ознобишин. О попытках Временного правительства России реорганизовать армию. «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 112; О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года, М.—Л., 1964, стр. 12—13 и др.

подтверждено затем на Петроградской союзнической конференции в январе 1917 г. Подготовка к наступлению началась сразу же после формирования Временного правительства во главе с кн. Львовым, однако практическое осуществление его выпало на долю первого коалиционного правительства. Для руководства военными делами из состава Временного правительства был выделен специальный комитет, куда вошли кн. Львов, Керенский, Терещенко, Некрасов и Церетели³.

Особое внимание было уделено морально-политической подготовке наступления, ибо, несмотря на пышные правительственные декларации и соглашательскую пропаганду, все большая часть солдат, благодаря разъяснительной работе большевиков, начинала осознавать преступный характер войны и не желала умирать за чуждые интересы. В кампании по политической обработке солдат особую активность развил военный и морской министр Керенский, обещавший союзникам «возродить энтузиазм и дисциплину» в русской армии. Он предпринял специальный voyage по фронтам, где произнес десятки речей, взывая к «революционной совести» солдат и уговаривая их пойти на «почетную смерть» на глазах всего мира во имя свободы и революции». В то же время был принят ряд суровых мер против дезертирства, нарушений воинской дисциплины и т. п. Среди них особенно выделялись циркуляр кн. Львова, призывавший бороться с проявлениями «анархии», и так называемый приказ № 17 о дезертирах, подписанный военным министром⁴. С большой жестокостью преследовалось бегство на фронте.

В ногу с Керенским шагала вся «русская демократия», в лице ее эсеро-меньшевистских лидеров и активистов. Газета «Новая жизнь» откровенно писала, что военное министерство проявляет чрезвычайную энергию, работая совместно с буржуазией и большинством «демократических элементов» над восстановлением дисциплины и боеспособности армии. «Не приходится сомневаться в том, — заключала газета, — какую оно преследует цель: объединение фронта союзников и возвращение к наступлению»⁵.

Чтобы выполнить свои обязательства перед буржуазией, соглашатели развернули усиленную пропаганду необходимости наступления для скорейшего завершения войны. Спекулируя на огромной жажде масс к миру, они выдвинули лозунг: «Путь к миру лежит через окопы противника». Один из видных оборонцев В. Б. Станкевич писал впоследствии: «Громом побед надо было заставить иностранное общественное мнение прислушаться к России, к голосу ее демократии... Как ни трудным могло показаться убедить армию воевать, все же это казалось легче, чем убедить международную дипломатию и демократию вступить на путь манифеста 14 марта»⁶.

Не менее широко эсеры и меньшевики использовали в своей агитации антимонархические настроения солдат. Последним внушали, что продвижение русской армии поможет трудящимся Германии и Австро-Венгрии свергнуть Габсбургов и Гогенцоллернов и обрести свободу. Война изображалась теперь не только как «оборонительная», но и чуть ли не как «революционная». Солдат убеждали в необходимости сорвать замыслы кайзера и его генералов разгромить Россию, а вместе с тем и революцию. Еще в обращении к армии, опубликованном соглашателями 1 мая, т. е. до формирования коалиционного правительства, говорилось: «Нельзя защищать фронт, решившись во что бы то ни стало сидеть неподвижно в окопах. Бывает, что только наступление может отразить или предупредить наступление врага; иной раз ожидать нападения значит покорно

³ См. АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. I, лл. 368—369.

⁴ Там же, л. 368, т. II, л. 470.

⁵ «Новая жизнь», 4(17) мая 1917 г.

⁶ В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914—1919 гг., Берлин, 1920, стр. 121. Манифест 14 марта — обращение Петроградского Совета «К народам всего мира».

ждать смерти. Иной раз, только переходя в наступление, можно спасти от истребления и гибели самих себя или своих братьев на других участках фронта»⁷.

Проходивший в Петрограде с 4 по 28 мая Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором преобладали соглашатели, принял резолюцию о поддержке внешней политики Временного правительства и высказался за наступление русских армий⁸.

Завершающий этап в подготовке наступления совпал с работой I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшегося в Петрограде 3 июня 1917 г. Съезд мог пресечь авантюру, на которую толкала страну буржуазия и ее прислужники. Большевики предлагали использовать эту возможность. Они призывали делегатов покончить с господством буржуазии, провозгласить переход всей государственной власти к Советам. «В России,— говорил на съезде В. И. Ленин,— нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов»⁹. Однако, пользуясь своим численным превосходством, эсеры и меньшевики протаскили резолюцию, одобрявшую внешнеполитический курс Временного правительства и подготовлявшееся наступление.

Буржуазия не скрывала своей радости по этому поводу. «Социалисты-революционеры,— информировал Терещенко русских дипломатических представителей в союзных странах,— вынесли постановление против всяких попыток дезорганизации в настоящий момент. Их лидер Чернов выступил на съезде с несколькими речами, в которых энергично защищает необходимость наступления и борьбы с анархией»¹⁰. Отвергая предложения большевиков, Чернов ехидно предлагал им справиться у социалистов Англии и Франции, согласны ли они с тем, чтобы Россия в ультимативной форме поставила перед союзниками вопрос о мире¹¹.

Немало потрудились при подготовке наступления и находившиеся тогда в России лидеры II Интернационала Тома, Вандервельде и Гендерсон. Разъезжая по заводам и воинским частям, они убеждали рабочих и солдат в необходимости единения с союзниками и выполнения союзнического долга, без чего де невозможно отстоять завоевания русской революции. Лидеры II Интернационала особенно старались вдохновить фронтовиков, которым внушали, что на концах своих штыков они понесут свободу братьям по классу. «Мы отправлялись на фронт как проповедники священной войны»¹²,— с пафосом заявлял Вандервельде.

Посланцам союзнической социал-демократии были широко представлены трибуны Петроградского Совета и I Всероссийского съезда Советов, с которых они выступали все с той же проповедью. Убеждая в необходимости всеми силами поддерживать войну и предстоящее наступление, Тома в то же время пытался отвести обвинения в приверженности французских правых социалистов к империализму. «Конечно,— снисходительно соглашался Тома,— нужно заставить союзную демократию стать на точку зрения русской революции, но нужно и, с другой стороны, показать, что русские не потеряли ни способности, ни желания бороться за общее дело»¹³.

⁷ Н. Губский. Революция и внешняя политика России, М., 1917, стр. 34.

⁸ «Великая Октябрьская социалистическая революция», Хроника событий, т. I, М., 1957, стр. 673—674.

⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 270.

¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. 11, л. 693.

¹¹ «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стеногр. отчет», т. II, М.—Л., 1931, стр. 123.

¹² E. Vandervelde. *Trois aspects de la Révolution Russe*, Paris—Nancy, 1918, p. 55.

¹³ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К.», М., 1925, стр. 345.

Представители «союзной демократии» били в одну точку: необходимо продолжать войну, необходимо наступать. Вандервельде даже сделал «выговор» своим российским единомышленникам за то, что они слишком много говорят о мире в такой момент, когда все их внимание должно быть сосредоточено на предстоящих военных операциях. Керенскому, Церетели и Терещенко пришлось долго объяснять своим гостям, что эти разговоры для того и нужны, «чтобы приготовить предстоящее наступление». В конце концов Вандервельде с удовлетворением констатировал: «Скобелев и Чернов... энергично протестуют против всякой идеи преждевременного мира». Другой представитель союзных социалистов записал в своем дневнике: «Они еще говорят о мире, но подготавливают наступление. Завтра они будут наступать с целью достижения мира»¹⁴.

* * *

Подготовка к наступлению велась при сильном нажиме на Временное правительство и русское командование со стороны союзников. От русских дипломатических и военных представителей в союзных странах шел поток донесений, в которых сообщались «претензии» союзников, их неизменные требования «навести порядок» и возобновить активные операции. Систематическое давление оказывали и представители союзников в России.

Прежде всего этот нажим объяснялся чисто военными причинами. Начатое в апреле англо-французское наступление, по существу, провалилось. Союзники, особенно Франция, понесли большие потери, не достигнув намеченных целей. Они опасались, как бы немцы не перехватили инициативу и не перешли в контрнаступление, хотя германское командование в тот период не имело таких намерений¹⁵. Натиск русских войск, как и в предыдущие годы, должен был значительно облегчить положение союзников. Кроме того, Англия, например, в этом случае могла активизировать свои действия в Месопотамии, Сирии, Палестине, Африке, где она рассчитывала захватить наибольшие «трофеи».

Англичане держали на Западном фронте миллионную армию, которой противостояло немногим более 40 вражеских дивизий. Россия же имела на Восточном фронте свыше 6 млн. солдат¹⁶, сковывавших 139 вражеских дивизий. Для английского правительства важно было сохранить эту пропорцию. Поверенный в Лондоне Набоков телеграфировал в Петроград 24 апреля, что с самого начала революции Англия «задавалась основным вопросом, как скоро удастся на смену пнилого режима установить в России «новый порядок» и как отразится переворот на боевой мощи России»¹⁷.

Но не только военные причины побуждали союзников подталкивать русское наступление. Для западных политиков, равно как и для российской буржуазии, наступление было тесно связано с борьбой против революции, которая все больше и больше путала военно-политические планы союзников. Под влиянием русской революции классовая борьба заметно обострилась во всех союзных странах. Наибольший размах она приобрела во Франции, переживавшей особенно большие трудности. Поверенный в делах Временного правительства в Париже М. М. Севастопуло доносил 27 мая: «Среди причин, вызывающих недовольство русскими, на первый план следует поставить опасения парламента и правительства, что русская пацифистская пропаганда повлияет на массы французского населения и на французские войска в смысле ослабления

¹⁴ E. Vandervelde. Op. cit., p. 164, 165—166.

¹⁵ См. П. Гинденбург. Воспоминания, Пг., 1922, стр. 45, 53—54.

¹⁶ Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. «История СССР», 1964, № 2, стр. 89.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 3, т. I, л. 253.

их духа и патриотического настроения»¹⁸. Опасались, однако, не только упадка патриотического духа, а гораздо большего. Правящие круги Франции неотступно преследовал «призрак революции». Севастопуло в той же телеграмме отмечал, что «широкое русское демократическое движение вызывает во французской буржуазии сильную боязнь ввиду его влияния на массы французского рабочего класса»¹⁹.

Опасения эти были вполне обоснованными. Кривая стачечной борьбы во Франции неуклонно поднималась вверх. Согласно официальной статистике, за первые четыре месяца 1917 г. во Франции было 88 экономических стачек, в мае их насчитывалось 90, а в июне уже 285 стачек, в которых участвовало около 109 тыс. рабочих²⁰.

Революционное движение захватило и французскую армию. В мае во французской армии прокатилась мощная волна восстаний, вызванных в значительной мере провалом апрельского наступления на Западном фронте. Солдаты требовали не только прекращения войны и немедленного заключения мира, но и отставки президента Пуанкаре и правительства Рибо. В конце мая два восставших пехотных полка направились даже к Парижу. Солдаты несли лозунги: «Долой правительство, которое не заключает мира! Да здравствует русская революция!». Революционное движение перебросилось и во флот²¹.

Почти такая же напряженная обстановка наблюдалась в Италии. Тревожно было в Англии. Даже в Японии, удаленной от театров войны, заметно оживилось рабочее движение.

По этой причине союзники еще более настойчиво требовали от Временного правительства форсировать крупные военные операции. Восстановление боеспособности русской армии и возвращение ее к активным действиям должно было явиться важнейшим шагом к подавлению русской революции. «Чем скорее начнутся военные действия, — писал Бьюкенен в Лондон в апреле 1917 г., — тем лучше будет для внутреннего положения». С этим вполне соглашался и Ллойд Джордж²².

В первую очередь союзники проявляли «заботу» о русской армии, от состояния которой зависело само существование Восточного фронта. При этом больше всего они страшились братания, прозванного «прервать войну путем простого прекращения боевых действий». В наступлении видели наилучшее средство избавления от этого «недуга». Французский военный министр Пенлеве писал, что германо-русское братание принесло серьезный ущерб и дальнейшее бездействие русской армии грозило ее полным распадом. «Лучше было, — заключал он, — сделать максимальные усилия»²³. Такого же мнения придерживался и французский главнокомандующий генерал Нивель. В письме генералу Алексееву, направленном вскоре после падения монархии, он доказывал, что как с точки зрения общих военных интересов коалиции, так и с точки зрения морального состояния русской армии, лучшим решением является возможно более скорый переход ее в наступление. Нивель категорически настаивал на том, чтобы Россия, «невзирая на серьезные внутренние события», выполнила обязательства, принятые на конференции в Шантильи²⁴.

Морально-политическое воздействие было, однако, не единственным средством, к которому прибегли союзники, чтобы «подтолкнуть» наступление русской армии. Другим важнейшим рычагом этого служила пресловутая материальная «помощь» в виде кредитов и военных поставок. Временному правительству прямо и косвенно дали понять, что

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 71, т. I, л. 440.

¹⁹ Там же, л. 441.

²⁰ См. А. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г., М., 1958, стр. 99.

²¹ Подробнее о революционной борьбе французских рабочих и солдат в этот период см. там же, стр. 85—108.

²² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V, М., 1938, стр. 65.

²³ P. Painlevé. Comment j'ai nommé Foch et Petain, Paris, 1924, p. 194—195.

²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 152, т. I, лл. 196—199 об.

кредиты и поставки России прекратятся, если она не предпримет крупных боевых операций. Тон в этом задавали Англия и Франция.

Англия предъявила почти ультимативные требования, отказывая даже в средствах, которые согласно и без того жестким условиям соглашения предназначались исключительно на военные, а не гражданские нужды. Она настаивала, чтобы Россия как можно скорее превозмогла «припадок слабости» и тем самым положила конец сомнениям союзников. К. Д. Набоков неоднократно подчеркивал, что нельзя рассчитывать на получение от английского казначейства новых кредитов до тех пор, пока русская армия не обрушится на врага. Еще 24 апреля он доносил: «Никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство. И пока Россия не явит на деле доказательства того, что наша армия по-прежнему способна на подвиг и победу и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя»²⁵. Как выяснилось позже, английский военный атташе в Петрограде ген. Нокс еще в середине марта 1917 г. отправил в Лондон телеграмму с рекомендацией задержать заготовленное для России военное снаряжение²⁶.

Временное правительство периодически делало «настойчивые представления» своим союзникам об улучшении снабжения русской армии, о точном соблюдении ими своих обязательств по поставкам военных материалов. Но союзники не становились от этого более пунктуальными. Правда, сформирование коалиционного правительства и его решимость организовать наступление несколько успокоили английские правящие круги. Однако восстановление «доверия» к России и предоставление ей кредитов по-прежнему ставилось в зависимость от возобновления активных операций на русском фронте²⁷.

Чтобы подтолкнуть наступление русской армии, английские министры стали пугать Временное правительство не только приостановкой кредитов и военных поставок, но и возможностью распада англо-русского союза вообще. В донесении от 3 июня Набоков сообщал, что в правительственных сферах Англии, среди деловых людей и в печати наблюдается «растущее чувство недоверия к России и страха за прочность союза с нею» и что устранить это неблагоприятное настроение не представляется возможным, несмотря на все усилия²⁸. Не менее настораживающим было и другое донесение (от 23 мая), в котором говорилось о намерении английского командования «сосредоточить все усилия на Западном фронте». При этом имелось в виду невыполнение русских военных заказов²⁹.

Столь же энергичное давление оказывала на Россию и Франция. Военные, экономические и политические трудности усиливали настойчивость ее требований. «Не могу не скрыть от вас,— докладывал Севастопуло 27 мая,— что в настоящее время во французском обществе и печати замечается сильное раздражение против России и русских... В основании раздражения лежит разочарование в надеждах, которые здесь возлагались на Россию как на неистощимый источник боевой силы и богатейшую житницу»³⁰. По мнению Севастопуло, только новые успехи русской армии могли изменить к лучшему настроение французских правящих кругов и общественного мнения. Рибо на одном из заседаний Палаты депутатов заявил: «Пусть реорганизованная русская армия докажет мощным наступлением, что она понимает обращенный к ней призыв»³¹.

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 3, т. 1, л. 253 и об.

²⁶ А. Кнох. With the Russian Army. Vol. II, London, 1921, p. 575, etc.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 3, т. 1, лл. 271, 282, 313.

²⁸ Там же, т. II, л. 330.

²⁹ Там же, т. I, л. 297.

³⁰ Там же, д. 71, т. I, л. 441.

³¹ «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. II, стр. 470.

Из Рима русский посол М. Н. Гирс телеграфировал 15 мая, что итальянский министр иностранных дел Соннино «в мягкой форме» высказался за немедленное русское наступление, которого итальянское «общественное мнение» ожидает с «нескрываемым нервным напряжением»³². Спустя неделю Соннино вновь обратил внимание русского посла на то, что наступление русской армии «было бы более, чем когда-либо, своевременно»³³. При этом итальянцы жаловались, что им противостоит скопление австрийских войск, переброшенных с русского фронта. Подобные заявления, конечно, не соответствовали действительности — если им верить, то выходило, что немцы и австрийцы оголили свой восточный фронт в тот момент, когда они наверняка знали о готовящемся русском наступлении!³⁴.

Подобно другим союзникам итальянские власти не преминули прибегнуть к запугиваниям. Так, в мае итальянский генеральный консул в Москве заявил, что в случае, если Россия заключит сепаратный мир, союзники предоставят Японии свободу действий в Сибири со всеми вытекающими из этого последствиями. То же самое, по мнению консула, угрожало России и в том случае, если она, отвергнув сепаратный мир, останется в «инертном» состоянии и не предпримет наступления³⁵. Настаивая на немедленном наступлении, итальянские власти также стали задерживать отправку уже выполненных русских военных заказов³⁶.

В том же плане действовала и Япония. В Токио отказывали Временному правительству в займе даже для погашения текущих платежей по выполненным уже в Японии русским военным заказам, ссылаясь на отсутствие свободной валюты. Между тем в эти же дни был предоставлен кредит Франции³⁷. Для одних деньги находились, для других — нет. Причина все та же — неустойчивое внутреннее положение в России и положение на ее фронтах. Японские финансисты явно опасались за судьбу своих капиталов.

Все больший нажим оказывала и новая союзница, Америка, хотя сама она явно не спешила с присылкой собственных войск. Правда, по словам Терещенко, глава прибывшей в Петроград чрезвычайной американской миссии сенатор Рут от имени своего правительства «высказался в том смысле, что России надо дать некоторый срок, чтобы оправиться от внутренних потрясений и завершить реорганизацию»³⁸. Это, однако, ни в коей мере не означает, что правительство Соединенных Штатов было меньше заинтересовано в активных операциях русской армии, чем другие союзники. В отчете Рута, представленном по возвращении из России, указывалось: «Для Америки многое поставлено на карту. Если удастся помочь России сохранить свою армию и удержать солдат в траншеях, это заставит противника держать на Восточном фронте более 140 дивизий. Это имеет самое непосредственное отношение к размеру усилий и жертв Америки в войне»³⁹.

Подстегивая Временное правительство и русское командование, союзники стали беззастенчиво обвинять Россию во всех грехах, сваливая на нее ответственность и за неудачи на своих фронтах, и за ухудшение внутреннего положения в собственных странах. В телеграмме от 3 июня

³² АВГР, ф. Канцелярия, 1917, д. 35, л. 253.

³³ Там же, л. 277.

³⁴ Количество австро-германских войск на русском фронте к июню 1917 г. возросло по сравнению с февралем того же года на 6 дивизий, в июле — еще на 2 дивизии, а в августе — сразу на 10 дивизий (См. А. Зайончковский. Указ. соч., т. II, приложение).

³⁵ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства, М., 1946, стр. 32.

³⁶ АВГР, ф. Канцелярия, 1917, д. 35, л. 289.

³⁷ Там же, д. 93, лл. 103, 140, 143, 147.

³⁸ Там же, д. 100, л. 104; «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

³⁹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Russia, 1918», т. I, p. 148.

Набоков сообщал: «От своих близких друзей в английской армии я узнаю, что в ней вполне считают бездействие России и вызванное им значительное накопление германских войск на Западном фронте причиной того, что не нанесен еще Германии решительный удар». Как ни парадоксально, но Россия оказывалась повинной даже... в бомбардировке немцами Лондона, так как участвовавшие в ней аэропланы тоже якобы были переброшены с русского фронта⁴⁰. Аналогичные упреки раздавались в Париже и Риме⁴¹. Все сводилось к одному: русская армия должна как можно скорее перейти в наступление. Без этого нечего было и думать об улучшении отношений со стороны союзников.

* * *

Все это, однако, не означает, что Временное правительство решило предпринять наступление только под давлением союзников. Оно и само не намеревалось уклоняться от выполнения данного им обещания. И дело тут, разумеется, не в «гуманной миссии» разгрома зарвавшейся кайзеровской Германии, о чем в тысячи уст твердили солдатам, рабочим и крестьянам. Временное правительство связывало с наступлением большие надежды на укрепление своего положения внутри страны и на международной арене, прежде всего в антантовской коалиции, где его позиции заметно пошатнулись ввиду ослабления военной мощи России.

Нельзя сказать, чтобы Временное правительство полностью скрывало политические цели наступления. Однако они были несравненно шире, чем об этом говорилось в официальных выступлениях и документах, в том числе и секретных.

Наступление, таким образом, находилось в тесной связи с внешнеполитическими планами и расчетами Временного правительства. «Направление внешней политики,— отмечал Терещенко 1 июня в телеграмме послу в Вашингтоне,— находится в тесной зависимости от состояния армии и возможности наступления»⁴². 6 июня в телеграмме поверенному в делах в Лондоне министр иностранных дел снова подчеркивал, что «возобновление боевой деятельности на нашем фронте является первым и непреложным условием для восстановления доверия к нам союзников и для благополучного завершения войны»⁴³. 22 июня, уже после того как наступление началось, Терещенко телеграфировал в Ставку военному министру: «Настойчивый тон (с союзниками.— В. В.) возможен только благодаря нашей боевой активности»⁴⁴. 23 июня Временное правительство опубликовало официальное сообщение по поводу созываемой в Париже в середине июля союзнической конференции, в котором также подчеркивало: «боевая деятельность наших войск усиливает наш голос в международных делах», на предстоящей конференции «слово русской демократии, подкрепленное действиями революционной армии, должно прозвучать особенно веско»⁴⁵.

Несомненно также, что успех наступления облегчил бы получение новых кредитов. Во всяком случае, Временное правительство питало такие надежды. Однако особо важное значение наступление приобретало в связи с внутриполитической ситуацией в России.

Вдохновители и сторонники продолжения войны полагали, что переход армии к активным боевым действиям усилит оборонческие настроения в народе, ослабит классовую и политическую борьбу и позволит приостановить развитие и углубление революции. В особенности рассчи-

⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 3, т. II, лл. 330—331.

⁴¹ См. там же, д. 71, т. I, лл. 440, 471, 513, 521; д. 35, л. 277.

⁴² Там же, д. 98, т. II, л. 470.

⁴³ «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.», М., 1959, стр. 249.

⁴⁴ АМПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. II, л. 710.

⁴⁵ «Вестник Временного правительства», 23 июня 1917 г.

ывали на «оздоровление» армии, без чего она никак не могла служить послушным орудием в руках правительства. В телеграмме своим представителям в Париже, Токио, Вашингтоне и Стокгольме от 26 июня Терещенко отмечал, что главная стратегическая цель наступления состоит в удержании неприятельских войск на Восточном фронте, а политическая — в создании «психологического перелома» в отношении народных масс к войне⁴⁶ (министр иностранных дел поспешил даже заявить, что обе названные цели можно считать уже достигнутыми). Спустя два месяца Терещенко снова возвратился к этой аргументации. В инструкции дипломатическим представителям в Париже, Лондоне, Риме, Вашингтоне, Токио и Стокгольме от 7 сентября он писал, что затишье на фронте весной 1917 г. губительно действовало на «моральное состояние» русских войск⁴⁷. Тех же взглядов придерживался и Керенский⁴⁸, который особенно разоткровенничался уже в эмиграции: «Возобновление русской армией активных действий безусловно было предопределено ходом событий внутри страны. Вне всякого сомнения, представители союзников не переставали настаивать на выполнении Россией, хотя бы частично, стратегического плана, принятого межсоюзнической конференцией в феврале 1917 г. в Петрограде. Но настояния союзников ни к чему не привели бы, если бы необходимость наступления не была продиктована нашими собственными политическими соображениями»⁴⁹. Среди этих соображений экс-премьер выделял два: первое — похоронить идею мира, которая все больше пробивала себе дорогу в среде «русской демократии» и могла привести к сепаратному миру, и второе — «спасти страну от страшной анархии, угрожавшей ей со стороны фронта», от стихийной демобилизации, принявшей в течение первых двух месяцев после Февральской революции характер эпидемии. Один из кадетских лидеров Маклаков на совещании членов IV Государственной думы, состоявшемся 3 июня («Юбилейное заседание»), откровенно заявил: «Судьба всей России в ее руках, и эта судьба решится очень скоро. Если нам действительно удастся наступать и вести войну не только резолюциями, не только речами на митингах и знаменами, которые носят по городу, а вести войну так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда быстро наступит полное оздоровление России». В том же плане выступил на совещании и лидер кадетов Миллюков, требовавший не упускать последнего момента⁵⁰.

Наступление, независимо от его исхода, должно было развязать буржуазии руки в борьбе с революцией. Успех наступления, хотя бы даже незначительный, надеялись использовать для укрепления авторитета центральной власти и командования армии, для усиления агитации за продолжение войны до победного конца. В случае провала вину заранее собирались переложить на «экстремистов», обвинив их в разложении армии, в подрыве мощи государства — что, кстати, давало возможность обрушить на них массовые репрессии. «Наступление, — отмечал В. И. Ленин, — при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политически укрепление духа империализма, настроений империализма, увлечения империализмом, укрепление старого, не смененного, командного состава армии..., укрепление *основных позиций контрреволюции*»⁵¹.

Подготавливая наступление на фронте, Временное правительство одновременно лихорадочно готовилось к нанесению решительного удара по революции. В телеграмме представителям в Париже, Вашингтоне и Стокгольме, отправленной 17 июня, Терещенко писал: «В будущем назревают события отчасти в Петербурге, отчасти на фронте, которые долж-

⁴⁶ «Красный архив», 1927, № 1(20), стр. 22.

⁴⁷ «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

⁴⁸ АВПР, ф. Секретный архив, 1917, д. 681, л. 15.

⁴⁹ A. Kerensky. La Révolution Russe, Paris, 1928, p. 209.

⁵⁰ «Речь», 4 июня 1917 г.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 302.

ны вскрыть сравнительную силу всех участвующих в революции элементов». Там же отмечалось, что образуются организации «умеренных элементов» (так министр именовал кадетов и прочие буржуазные группировки), преследующие цели борьбы с большевизмом. В телеграмме от 19 июня, информируя о состоявшейся накануне демонстрации, Терещенко писал: «В общем положение благоприятное для проведения твердой политики»⁵². Таким оно представлялось ему потому, что соглашатели полностью солидаризировались с Временным правительством, предоставив последнему возможность обрушиться против сил революции.

Еще через день, 21 июня, в телеграмме представителям в Париже, Вашингтоне, Токио и Стокгольме, указывая на рост недовольства в стране, Терещенко прямо подчеркнул, что «правительство готово на все». При этом министр иностранных дел, сам того не замечая, опроверг ложь, будто большевики призывали к немедленному свержению Временного правительства вооруженным путем, в чем их обвиняли после демонстрации 4 июля. «За последние дни,— отмечал он,— в некоторых заводах и частях войск происходила агитация за свержение правительства, причем организация большевиков в ней не участвовала». Днем позже Терещенко, хотя и скуп, делился с Керенским мыслями о «близком крушении» противников войны. «Съезд настроен благоприятнее,— сообщал он в Ставку военному министру,— гарнизон также. В бездействии и колебаниях крайние, ввиду близкого крушения, делают отчаянные усилия пропаганды и агитации, надеюсь, без особого успеха»⁵³.

Особенно откровенно Терещенко говорил об этом с представителями союзников. Английский посол Бьюкенен еще 2(15) июня сообщал в Лондон, ссылаясь на свои беседы с русским министром иностранных дел, что «правительство находит момент психологически подходящим для действия». Это означает, пояснял посол, что оно собирается отделаться от Петроградского гарнизона и в случае необходимости использовать казаков. «на которых можно полностью рассчитывать». Из донесения Бьюкенена отчетливо видно, что Временное правительство подготавливало гнусную провокацию против авангарда революции. «Их положение,— писал посол, подразумевая большевиков,— будет, по-видимому, серьезно скомпрометировано, если, как надеется Терещенко, ему удастся доказать, что многие из их лидеров состоят на жалованье у немцев»⁵⁴.

О планах «укрощения» Петроградского гарнизона и операции против «немецких агентов» сообщал в Париж член французской военной миссии подполковник Ланглуа. Последнему Терещенко даже назвал нескольких из этих «агентов», объяснив при этом, что Временное правительство пока выжидает удобного момента с тем, чтобы «действовать только наверняка»⁵⁵.

Временное правительство готовилось к «глубокому прорыву на фронте Ленина», как об этом проболтался потом кн. Львов⁵⁶. Для этого были проведены некоторые подготовительные мероприятия. К съезду Советов были приставлены казаки — для обеспечения ему «нормальных» условий работы. От армейских комитетов Петроградского гарнизона было получено обещание, что они не выступят против Временного правительства и не нанесут «предательского удара в спину», пока оно занято боевыми операциями. Все это весьма характерно для той обстановки, в которой начиналось наступление.

24 июня Керенский, как бы в ответ Терещенко, развернул целую программу предстоящей «внутренней операции», плана № 2. В своем донесе-

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. II, лл. 656, 668.

⁵³ Там же, лл. 693—694, 710.

⁵⁴ См. Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. V, стр. 68.

⁵⁵ «Les Armées françaises dans la grande guerre», т. 5, vol. 2, Paris, 1937. Annexes, vol. 1, p. 1028.

⁵⁶ «Известия Петроградского Совета», № 115, 12 июня 1917 г.

нии Временному правительству о ходе наступления он предлагал принять «решительные меры» против анархии и безначалия в тыловых воинских частях и в тылу в целом, особенно в Петрограде⁵⁷. Тогда же по приказу Ставки к Петрограду начали подтягивать наиболее надежные части под предлогом обороны его от немцев. 29 июня с Северного фронта была снята и направлена в район Выборга целая казачья дивизия. В предписании верховного главнокомандующего командующему Северным фронтом говорилось: «Временное правительство признает необходимым иметь в Выборгском районе кавалерийскую дивизию... на случай возникновения в этом районе беспорядков»⁵⁸.

Именно в эти тревожные дни правящая верхушка начала распространять зловещие слухи о якобы готовящемся антиправительственном «заговоре» и необходимости его подавления. На это сразу обратил внимание В. И. Ленин. Он предупредил, что буржуазия, ухватившись за этот стародавний прием, вкупе с эсерами и меньшевиками готовит расправу с революцией. Наступление же должно было окончательно развязать ей руки. В России, подчеркивал В. И. Ленин, борьба против пролетарской партии, начавшаяся с первых дней революции, дошла до такой степени, когда империалисты пытаются руками вождей мелкобуржуазной демократии «одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии. И, как повод для этого решительного удара, министр Церетели нашел неоднократно уже использовавшийся контрреволюционным способ: *обвинение в заговоре*. Это обвинение только предлог. Суть дела в необходимости для мелкобуржуазной демократии, идущей на поводу у русских и союзных империалистов, покончить раз навсегда с социалистами-интернационалистами»⁵⁹. Позже Ленин отмечал, что политика наступления на девять десятых предрешила победу Кавеньяков в июле⁶⁰.

Разоблачая эсеров и меньшевиков, усиленно доказывавших будто наступление диктуется соображениями стратегии, а не политики, В. И. Ленин убедительно показал, что это чистейший обман, рассчитанный на неискушенные, доверчивые массы. Наступление, подчеркивал Ленин, неразрывно связано с вопросом о власти, с вопросом о революции, т. е. прежде всего с политикой. От него зависит судьба всей русской революции. Оно знаменует собой перелом этой революции не в стратегическом, а именно в политическом плане⁶¹. Пойдет ли революция вперед или остановится на месте и зачахнет. — так стоял вопрос.

* * *

Для нанесения основного удара наступления был избран Юго-Западный фронт, в направлении г. Львова. На Северном и Западном фронтах намечались бои вспомогательного характера с целью отвлечь внимание неприятеля от направления главного удара. В случае успеха командующим этих фронтов предписывалось развивать наступление.

Этот стратегический план был продиктован двумя основными соображениями: во-первых, Юго-Западный фронт был менее революционизирован, чем Северный и Западный; во-вторых, на этом участке русской армии противостояли преимущественно австро-венгерские войска, сильно потрепанные в предыдущих сражениях, особенно в предшествующем 1916 г. во время знаменитого брусилковского прорыва. Кроме того, в рядах австро-венгерской армии находилось много славян, которые «легко

⁵⁷ «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.», стр. 372—374.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 995, л. 55.

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 333.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 15.

⁶¹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 269, 273, 275, 297—298.

и даже с плохо скрытым удовольствием»⁶² сдавались в плен русским войскам, не желая сражаться за ненавистную им империю Габсбургов.

Особенно большое влияние на славянское население двуединой монархии оказала Февральская революция. «Очень серьезным,— писал Гинденбург,— является положение на австро-венгерском фронте. Можно опасаться, что там и теперь, как в 1916 г., русский натиск будет направлен на слабые места... Уже весной один представитель союзных сил нарисовал нам очень серьезную картину тамошних условий. Его общее впечатление, что «большинство австро-славянских войск теперь окажет еще меньшее сопротивление, чем в 1916 г.», потому что они, как и русские войска, подверглись политическому разложению»⁶³.

13 июня военный министр Керенский, заручившись поддержкой I Всероссийского съезда Советов, выехал на фронт для непосредственного «корректирования» и наблюдения за операциями. 16 июня им был отдан приказ о наступлении⁶⁴. В тот же день началась артподготовка, а 18 июня в бой была брошена пехота.

Здесь необходимо сказать несколько слов по поводу двух этих дат. В нашей литературе везде указывается, что наступление началось 18 июня. Между тем оно началось 16 июня мощной артиллерийской подготовкой, продолжавшейся в течение двух дней, о чем говорится в многочисленных приказах и оперативных сводках командования Юго-Западного фронта и Ставки верховного главнокомандующего⁶⁵. Вот, например, приказ командующего XI армии, действовавшей в составе Юго-Западного фронта: «Приказываю шестнадцатого сего июня с рассветом начать артиллерийскую подготовку, открыв огонь одновременно на всем фронте шестого, сорок девятого, семнадцатого и пятого Сибирского корпусов... Штурм неприятельской позиции 18 июня»⁶⁶.

В тот же день, утром 16 июня началась артподготовка и в VII армии. Она продолжалась непрерывно в течение двух дней, причем огонь не прекращался и ночью. О двухдневной артподготовке говорится в ряде работ, в частности в «Истории гражданской войны» и др.⁶⁷. Но ведь артиллерийская подготовка является, как известно, неотъемлемой частью наступления. Следовательно, начало артподготовки должно считаться началом всего наступления. Кстати, в телеграмме от 17 июня русскому поверенному в делах в Париже Терещенко отмечал, что наступление уже началось⁶⁸. В газетах, например, в «Вестнике Временного правительства», в разделе сообщений из Ставки за 17 июня говорилось об интенсивной артиллерийской перестрелке с обеих сторон на Золочевском и Бржежанском направлениях⁶⁹.

Начиная наступление 16 июня (а сначала оно было запланировано на 12 июня)⁷⁰, Временное правительство хотело тем самым «упредить»

⁶² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., тт. I—II, М., 1934, стр. 258; т. III, М., 1935, стр. 238.

⁶³ П. Гинденбург. Указ. соч., стр. 48.

⁶⁴ См. «Вестник Временного правительства». 20 июня 1917 г. «История гражданской войны в СССР», т. I, М., 1938, стр. 304. «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. II, М., 1961, стр. 162.

⁶⁵ См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 98, л. 125; д. 105. п. 301: д. 131, лл. 37, 42об, 43, 44, 46, 51, 53; д. 396, лл. 210б, 219, 222, 231, 232, 237. 242. 249, 259—264; д. 397, лл. 1, 2, 7 и др.

⁶⁶ Там же, д. 105, л. 301.

⁶⁷ См. «История гражданской войны», т. I, стр. 127; А. Иоффе. Указ. соч., стр. 197; «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962, стр. 74. Кстати, в последней работе получается так, что наступление пехоты началось не 18, а 20 июня. Там сказано: «Командование Юго-Западного фронта 18 июня отдало приказ о наступлении ...после двухдневной артиллерийской подготовки войска 7-й и 11-й армии прорвали фронт противника и успешно начали продвигаться вперед».

⁶⁸ АВГПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. II, л. 664.

⁶⁹ См. «Вестник Временного правительства», 18 июня 1917 г., стр. 2.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 63, л. 44; Г. И. Журавлев. Указ. соч., стр. 9.

антивоенную демонстрацию трудящихся, назначенную большевиками на 10 июня, а затем перенесенную на 18 июня. При этом надеялись, что первые слухи об успехах на фронте расстроят ряды противников наступления, а сама демонстрация выльется в поддержку политики правительства и соглашательских партий. В этой связи большой интерес представляет донесение члена французской военной миссии при русской Ставке подполковника Ланглуа своему военному министру, составленное 16(29) июня 1917 г. и отправленное в Париж на следующий день. В нем, в частности, говорилось: «Терещенко, зная, что я возвращаюсь во Францию и нахожусь проездом в Петрограде, пригласил меня сегодня и сделал следующее заявление: I. Мы рассчитываем, что наше наступление на Юго-Западном фронте, которое начинается сегодня, 29 июня (нов. ст. — В. В.), будет иметь успех, который приведет к изменению положения... Во всяком случае успех позволит нам принять меры против Петроградского гарнизона, который является самым плохим и подает самые отвратительные примеры... Генерал Брусилов должен как можно скорее уведомить нас о достигнутых результатах, и если они будут благоприятными, они могут стать известными публике до намеченной на послезавтра демонстрации, которая превратится, таким образом, в демонстрацию за или против армии» (читай: за или против Временного правительства)⁷¹.

Из этого документа отчетливо видно, с какой целью правительство Львова решило опередить предстоящее выступление трудящихся. И оно действительно постаралось сделать так, чтобы первые отрядные известия с фронта проникли в «публику» еще до демонстрации. Однако, как известно, эти расчеты не оправдались: демонстрация 18 июня не только не вылилась в поддержку правительства, но напротив, явилась мощным протестом против проводимой им империалистической политики.

Наступление же, вначале развивавшееся успешно, вскоре приостановилось, а затем под ответным ударом германских войск, получивших подкрепления с Западного фронта, русские войска стали быстро откатываться назад, не оказывая почти никакого сопротивления. С 16 июня по 6 июля, когда был прорван русский фронт, русская армия потеряла свыше 58 тыс. человек, из них 7 тыс. убитыми и более 36 тыс. ранеными⁷². К середине июля противник отбросил русские войска далеко за исходные рубежи и очистил почти всю Галицию и Добруджу. В результате авантюра Временного правительства закончилась полным провалом, русская армия в короткий срок лишилась тех плодов победы, которые были завоеваны ею ценой колоссальных жертв за истекшие три года войны. Само Временное правительство охарактеризовало свое предприятие как катастрофу, стоившую стране «больших человеческих жертв и территориальных потерь»⁷³.

Основная причина столь катастрофического провала русского наступления заключалась в том, что оно было чуждо солдатской массе. Солдаты глубоко ненавидели войну и не хотели больше проливать кровь за интересы капиталистов и всякого рода политиканов. Эти настроения были известны и Временному правительству. «Вся Россия, — признавал позже Керенский, — находилась в состоянии лихорадочного ожидания. Пойдут ли в атаку войска? Никто не осмеливался ответить на этот вопрос... Моральное состояние частей VII и XI армий, которые вели наступление, оставляло желать лучшего. Имелись дивизии, готовые вот-вот взбунтоваться, полки, повиновавшиеся лишь формально»⁷⁴.

⁷¹ «Les Armées françaises dans la grande guerre», T. 5, vol. 2, Paris, 1937, Annexes. vol. 1, p. 1027.

⁷² См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», стр. 32.

⁷³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 100, л. 103; д. 152, т. II, л. 62; ф. Секретный архив, 1917, д. 681, л. 15; «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

⁷⁴ А. Керенский. *Op. cit.*, p. 219—220.

Даже офицеры были деморализованы. Среди них имелось немало таких, которые не видели смысла в наступлении, не понимали его целей и осуждали его. Тот же Керенский свидетельствует: «Встречались офицеры, которые находились в состоянии полной нерешительности, а некоторые из них открыто саботировали приготовления к наступлению»⁷⁵. Разумеется, основная масса офицеров стояла за наступление.

А вот еще одно авторитетное свидетельство. В телеграмме комиссара армейской группы Юго-Западного фронта, армейского комитета и комиссара XI армии Временному правительству, ЦИК Советов и ВЦИК крестьянских Советов от 9 июля говорилось: «Наступление, начатое 6 июля немцами, принимает чудовищные размеры, моральный дух частей, недавно направленных в бой благодаря героическим усилиям сознательного меньшинства, претерпел роковые изменения. Боевой дух быстро иссяк. Большинство частей находится в состоянии растущего разложения. Никакие доводы, никакие убеждения не действуют. Они вызывают лишь угрозу и иногда стрельбу. Ряд частей покинули свои позиции, не ожидая даже приближения врага. Имели место случаи, когда приказы о немедленном выступлении в поддержку теснимых противником частей обсуждались на митингах в течение нескольких часов. Войска часто покидают свои позиции при первом выстреле противника. Бесконечные колонны дезертиров с винтовками и без них растянулись на сотни верст, нисколько не боясь возможного наказания... Сегодня главнокомандующий Юго-Западного фронта и командующий XI армией, с согласия комиссаров и [войсковых] комитетов, отдали приказ открывать огонь по войскам, которые покидают свои позиции»⁷⁶. Аналогичные телеграммы поступали в Петроград со всех участков фронта.

В это же время ген. Корнилов, только что назначенный вместо ген. Гутора командующим Юго-Западного фронта, телеграфировал министру-председателю, что многие полки самовольно снимаются со своих позиций и отказываются принимать бой. Корнилов требовал применения исключительных мер вплоть до введения смертной казни на фронте, надеясь кровавыми методами выправить положение. Несколькими днями раньше, 5 июля, помощник комиссара Временного правительства при VIII армии, которой еще командовал Корнилов, докладывал ему: «Все роты гвардейского Кексгольмского полка, за исключением команд и отдельных людей, отказываются исполнять боевые приказы. Завтра утром будут приняты меры к их разоружению и выделению негодного элемента»⁷⁷.

Донесения с Северного и Западного фронтов рисуют еще более безотрадную картину. Начальник штаба Северного фронта 4 июля докладывал в штаб верховного главнокомандующего: «187-я дивизия, оставленная из 27-го корпуса взамен 4-й особой, 5-я и 20-я Сибирские дивизии отказались выполнять перегруппировку, согласно оперативному приказу... Комкор 2-го Сибирского корпуса генерал Триковский, приглашенный на митинг 5-й Сибирской дивизией, подвергся оскорбительному обращению с ним солдат, был лишен автомобиля и принужден был вернуться пешком»⁷⁸.

В таких же красках обрисовывалось положение на Западном фронте. Исполняющий обязанности начальника штаба X армии докладывал начальнику штаба фронта 5 июля: «В 673-м полку полный отказ перейти в новый район. К офицерам отношение крайне враждебное. Часть офицеров ушла, опасаясь кровавой расправы. В 674 полку солдаты возбуждены. В 675 полку... некоторые нашли, что военный министр — изменник, за его слова надо его бить. В 676 полку части 4, 5, 6 и 8-й рот, сапер-

⁷⁵ А. Керенский. *Op. cit.*, p. 220.

⁷⁶ Там же, стр. 277—278.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 366/с, оп. 1, д. 391, л. 124; ф. 2134/с, оп. 1, д. 42, л. 42.

⁷⁸ Там же, ф. 2031/с, оп. 1, д. 37, л. 276.

ная команда не выполнили приказа о выступлении». На следующий день из той же армии доносили, что Вяземский полк «категорически от наступления отказался», большая часть офицеров полка бежала. 115-й полк был разоружен за неповиновение, началось брожение в 114-м и 116-м полках⁷⁹.

Даже жестокие репрессии не могли исправить положения. Ряды открытых противников наступления изо дня в день умножались. Только в Двинске к 28 июня число солдат, арестованных за отказ идти в бой, достигло почти 4 тысяч⁸⁰.

Росла революционная сознательность солдат. Они заявляли, что будут сражаться только в том случае, если враг действительно посмеет посягнуть на завоевания революции и первым атакует русские позиции. Так, солдаты 479-го Кадниковского пехотного полка (V армия Северного фронта) на общем полковом собрании 4 июля приняли резолюцию, в которой говорилось: «Постановив не идти в наступление, которое будет выгодно только международным и русским разбойникам: банкирам, фабрикантам-заводчикам и помещикам, ведущим кровавую войну ради захватов, мы протестуем против всяких расформирований воинских частей. Мы клянемся в случае наступления противника отразить его удар и не пустить его дальше в глубь страны».

Резолюция требовала немедленной передачи центральной власти в руки Советов, установления контроля над производством и капиталами буржуазии, принятия закона о ликвидации частной собственности на землю с передачей ее в руки трудового народа без выкупа. «Требуем,— подчеркивалось далее,— немедленного пересмотра договоров, заключенных Николаем II с союзниками нашими — Францией, Англией, Италией и Японией, и отмены их. Требуем немедленно от правительств и народов союзных с нами держав отказаться на деле от захватной политики... Если же наравне с нами германская коалиция не откажется от захватной политики, только тогда мы согласны перейти в наступление и драться, как львы, ибо будем знать, что боремся за истинное дело социализма»⁸¹.

Другой важной причиной провала русского наступления было отсутствие поддержки его со стороны союзников, несмотря на то, что Временное правительство и русское командование настойчиво просили об этой поддержке и, более того, получили успокаивающие обещания. 15 июня Терещенко поручил своим представителям в Париже и Лондоне «самым настоятельным образом» обратить внимание правительств, при коих они аккредитованы, на исключительную важность оказания энергичной поддержки русскому наступлению «в интересах общесоюзнического дела». С подобной просьбой верховный главнокомандующий обратился также к союзным главным квартирам. И Англия, и Франция заверили, что будет оказано должное содействие. Французский премьер Рибо в ответ на обращение Терещенко писал: «Русское правительство может не сомневаться, что французское верховное командование предпримет в этом отношении все необходимые меры, диктуемые обстановкой»⁸². Но это обещание так и осталось на бумаге. «Поддержка» Франции и Англии не вышла за рамки боев местного значения, происходивших вне связи с русским наступлением. Именно это бездействие союзников и позволило немецкому командованию перебросить с Западного фронта на Восточный значительные подкрепления в живой силе и технике, особенно артиллерии, и нанести мощный контрудар, за которым последовал глубокий прорыв русского фронта.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. 2048/с, оп. 1, д. 27, лл. 12—13, 14—15.

⁸⁰ См. «Двинцы». Сб. воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы, М., 1957, стр. 129.

⁸¹ «Солдатская правда», № 59, 4 июля 1917 г.

⁸² АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 98, т. II, л. 633; д. 71, т. I, л. 524.

На исход наступления существенно повлияло и то, что значительная часть поставленной союзниками артиллерии оказалась недоброкачественной, бракованной, в результате чего она почти сразу вышла из строя. Даже Керенский оказался не в состоянии скрыть своего возмущения. «Укажите соответствующим послам, — телеграфировал он Терещенко 20 июня, — что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% не выдержали двух дней умеренной стрельбы»⁸³. А ведь эта артиллерия была прислана не в качестве безвозмездного дара или «помощи», как ее тогда рекламировали, а в порядке выполнения взаимных обязательств. За нее предстояло расплачиваться, и часть платы Временное правительство уже внесло золотом и хлебом, в котором так остро нуждалась страна.

Серьезные недостатки и просчеты имелись в оперативно-технической подготовке наступления⁸⁴.

Нельзя, наконец, не учитывать и способности противника к сопротивлению. Германская коалиция в тот момент располагала еще достаточными силами. Как известно, немцы и австрийцы смогли сорвать планы весеннего англо-французского наступления, и союзники, особенно Франция, понесли большие потери. Точно так же провалилось предпринятое в мае трентинское наступление итальянцев, о котором Гирс сообщал, что оно стоило многих людских жертв и может быть сравнимо в этом отношении с апрельским наступлением французов. Еще более тяжелое поражение было нанесено итальянцам в октябре 1917 г., что едва не привело к выходу Италии из войны.

К этому надо добавить, что русское наступление не было для австро-германского командования неожиданным. О предстоящих операциях русской армии открыто писала русская и союзная пресса. Знал противник и о наиболее вероятном направлении главного удара. Это позволило ему хорошо подготовиться и успешно отразить натиск, а затем перейти в контрнаступление. «Следовало опасаться, — писал Гинденбург, — что если за наступлением Керенского не последует немедленно наш контрудар, то воинственное течение в России снова окрепнет»⁸⁵. Поэтому немцы пошли на риск переброски своих войск с Западного фронта, не без основания рассчитывая на инертность союзников России.

* * *

«Галицийская катастрофа» расстроила планы Временного правительства. Позиции русской буржуазии на международной арене оказались еще более подорванными. Убедившись окончательно в военной немоши России, союзники стали еще меньше считаться с ее интересами. Дипломатия Керенского — Терещенко ушла в «глухую оборону», стараясь избегать обсуждения важнейших политических проблем впредь до восстановления боеспособности русской армии.

Не оправдались надежды Временного правительства и на укрепление его внутреннего положения. «Победа» над революцией оказалась весьма призрачной. Провал наступления лишь ускорил высвобождение масс из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий и переход их на сторону большевиков.

⁸³ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», вып. 1—6, изд. 2, Пг., 1918, стр. 113—114.

⁸⁴ См. В. Б. Станкевич. Указ. соч., стр. 155, 157, 160; П. Гинденбург. Указ. соч., стр. 50.

⁸⁵ П. Гинденбург. Указ. соч., стр. 50.